

ПАНОРАМА

Мирко Вишке (Берлин)

О ВРЕДЕ НАУКИ ДЛЯ ЖИЗНИ. НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РАБОТАХ ФРИДРИХА НИЦШЕ И КАРЛА ЯСПЕРСА¹

Наука, согласно Ясперсу, не способна дать ответ на вопрос о степени значимости результатов ее исследований. В ходе научных изысканий постоянно открываются новые неизученные области, возникают новые задачи. При этом необходимость их научного рассмотрения никоим образом не ставится под сомнение. Свое внимание наука, не делая исключений, направляет на все, что в принципе доступно познанию; все в равной мере оказывается объектом научного интереса. Однако тезис Ясперса о том, что лишь философия оберегает науку от растворения в том, что «не представляет научного интереса», вызывает ряд вопросов. Ибо что ставит философию в то исключительное положение, которое позволяет ей взять на себя решение такой задачи? Может ли философия диктовать науке предписания относительно того, что представляет научный интерес, а что нет?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимо вначале (I) кратко рассмотреть, какой философской традиции следует Ясперс, размышляя о ненасытной тяге науки к познанию, и какие сложности он связывает с этим. Далее (II) мы проанализируем возможности философии, позволяющие ей, согласно Ясперсу, взять на себя решение данной проблемы. И наконец, (III) попытаемся проследить, какие именно положения Ясперса, в контексте сегодняшних научных дискуссий, обладают потенциалом, способным дать толчок дальнейшему развитию последних.

I. «Холодный демон познания» и кризис науки

Исходный тезис Аристотеля о том, что желание знать - исконная страсть человека, служащая единственно постижению сути², уже для Руссо выглядит не вполне безобидным. Если науки занимаются лишь тем, что людям представляется наиболее достойным внимания, такая из-

бирательность приводит, согласно Руссо, к роковому заблуждению, вследствие которого научное познание и практико-моральное знание неизбежно расходятся [21, S. 46; 22, S. 8].

Развивая мысль Руссо, Ницше приходит к выводу, что наука ни на уровне исходного миропостижения, формирования смысла, ни на уровне прагматическом не ставит перед собой какой-либо цели. Речь идет не просто о потребности в максимально глубоком понимании, в расширении границ познания, характеризующей, по Ницше, науку его времени. Скорее имеется в виду нецеленаправленное и не скованное какими-либо оковами, неуемное и безудержное стремление к дальнейшим знаниям. Будучи свидетелем радикального пересмотра понимания науки как таковой, происходившего во второй половине XIX века, Ницше критикует неизбывную и ненасытную страсть науки к получению все новой информации безотносительно к значимости полученных знаний. Безмерное, неустанное нагромождение знаний ослепляет, не давая оценить достигнутые результаты. Ибо наука направляет свое внимание на все принципиально познаваемое, без каких-либо исключений, даже на самые незначительные истины, но упускает из виду «глубинное толкование жизни» [17, S. 142].

Какова цель познания? Чему оно призвано служить? Согласно Ницше, наука не в силах ответить на этот вопрос, так как цель научного познания - не что иное, как создание оснований для дальнейшего познания. Для достижения этого наука вынуждена каждый раз заново переосмысливать свои результаты, уточнять их, внося при необходимости соответствующие коррективы. Поэтому наука следует логике собственного метода и своих теоретических задач. Это не выливалось бы в проблему, достойную рассмотрения, если бы слепо стремящееся к знанию и вечно ненасытное научное исследование не побуждало науку к «познанию любой ценой» [15, S. 816], - вне зависимости от его драматических последствий.

В понимании Ницше, последствия эти тем более драматичны, чем в большей мере достижения науки служат утверждению человека в его господстве над природой, рационализации религиозного мировосприятия, деструкции традиционных мирообразов, вместо которых наука, бессильная найти им замену, не предлагает новых. Исходя из этого, Ницше делает вывод, что больше нет ясных представлений о том, что составляет научный интерес и является достойным объектом познания. Именно в силу отсутствия каких-либо установок касательно того, что представляет собой научный интерес и что является достойным объектом познания, вечно жаждущая информации научная мысль может беспрепятственно обращаться ко всему, что потенциально познаваемо. Следствие этого - нигилизм, непреодолимый для науки, неспо-

собной стать фундаментом постнигилистического миропонимания [1, S. 11].

Для Ясперса стремление к познанию также вовсе не «безобидно», и не только потому, что возможные последствия полученного знания необозримы [12, S. 9] и что знание, не ограниченное никакими рамками, растворяется в бесконечном и беспредельном. Исходя из изначально заложенного в природе человека стремления к знанию, наука как таковая не может дать ответ на вопрос о своей собственной сути [12, S. 12]. И если Ницше подвергал радикальному пересмотру трактовку сути науки, основываясь при этом на взглядах ученых древности, то Ясперс считает спорной саму принципиальную возможность ответить на вопрос о сути науки, исходя из ее внутренней перспективы.

Однако заметное расхождение в данном вопросе лишь вводит в заблуждение. Поскольку именно там, где налицо противоречие в ходе рассуждений Ясперса и Ницше, скрывается общность собственно в отношении причин кризиса, к которым Ясперс, как и Ницше, относит прежде всего отсутствие целостности мировосприятия (без нее знание остается не более чем правильным и оценивается исключительно по его технической применимости [5, S. 120]), а также - накопленную массу пока что едва ли доступного осмыслению материала научного познания, которому зачастую недостает «исконной жажды знания» [5, S. 20]. Ясперс констатирует «ни перед чем не останавливающуюся рациональность», навязывающую человеческому бытию заранее просчитанную предопределенность [5, S. 14]. Исходной для научного исследования является позиция, безгранично открытая принуждению логической мысли [5, S. 15].

Данная характеристика прослеживается, как путеводная нить, в работах Ясперса. В своих поздних произведениях он также придерживается мнения о том, что наука *универсальна* по своему духу. В этой универсальности Ясперс выделяет два момента: во-первых, наука все рассматривает как представляющее научный интерес, занимается «единичным и мельчайшим», регистрирует и исследует «любые фактические данные как таковые» [11, S. 113]. Во-вторых, Ясперс всякий раз подчеркивает принципиальную *незавершенность* науки: «Вся наука есть путь познания» [11, S. 115], не знающее ограничений движение вперед, завершение которого невозможно; постоянное продвижение в бесконечность - вот судьба науки [12, S. 14]. И если для Ницше этот бесконечный процесс таит опасность того, что имманентная научному прогрессу эффективность может привести в конце концов к утрате смысла прогресса, к тому, что наука будет развиваться исключительно ради себя самой, не нацеливаясь на мирожизненные задачи³, то Ясперс обращается к другому аспекту данной проблемы - к роковой переоценке науки. Огромный авторитет науки зачастую связан с чрезмерными упо-

ваниями на то, что она может решить все проблемы человечества - ожидание, не имеющее ничего общего с сутью науки как таковой. Если бы подобные стремления являлись определяющим фактором в науке, она бы перестала быть сама собой. Это тот аспект, который Ницше затрагивает в своих рассуждениях, рассматривая во «Вступительной лекции» и в «Несвоевременных размышлениях», в какой мере познание отдельных объектов ведет к самопознанию.

Внимание Ницше направлено главным образом на утрату практической ценности знаний как следствие динамизации науки, уже начиная с середины XIX века, воспринимавшейся его современниками как постоянно ускоряющийся процесс. Эта утрата представляется Ницше обратной стороной лавинообразного наращивания массы научного материала, и смириться с ней он, представитель классической философии, конечно же не мог. Ясперс также указывает на эту утрату, впрочем, не придавая ей центрального значения.

Уже в работе «Духовная ситуация времени» критика науки сводится к тезису о том, что кризис науки, в конечном счете, есть кризис сути науки как таковой, следствие кризиса человека. Почему кризис науки есть кризис человека? Ответ звучит следующим образом: Потому что человек верит в науку как в непреложный авторитет при решении всех важных вопросов, ждет от нее помощи в любой беде. И если научный подход предполагает разграничение навязанной и естественной установок и стремление, методологически обоснованно перепроверив полученные выводы, определить границы накопленного знания, то некритичная вера во всеислие науки ведет к заблуждениям, опасным в силу того, что прогресс в области знания (и техники) может служить как добру, так и злу [10, S. 6]. То, каким образом могут быть использованы результаты тех или иных научных исследований, выясняется лишь со временем. Ясперс убедительно указывает на тот факт, что всегда существует не одна, а множество (зачастую непредсказуемых) возможностей применения данных научно-исследовательских разработок; число возможностей растет по мере анализа потенциала, содержащегося в отдельных выводах, а также определения целей, которым данные выводы могли бы служить⁴. Ясперс также указывает, что факт недопустимости подвергать человека экспериментам без его желания и согласия следует не из «сущности науки», а из принципов гуманности и является основой прав человека. Чтобы абстрактное знание, рождающееся в ходе научного прогресса, было наиболее целесообразно использовано при решении конкретных задач, необходимо предпринять действия, зачастую лежащие уже вне компетенции науки. Не исключено также, что теоретические выводы, найдя свое техническое воплощение, могут, способствуя решению существующих проблем, одновременно вызвать новые, не-

предвиденные. Подобная возможность недооценивается, а зачастую и игнорируется вследствие веры во всеислие непреложного знания, которую Ясперс называет научным суеверием.

Казалось бы, аналогичное наблюдение есть уже у Ницше, для которого одержимость истиной сократического человека олицетворяет начало длящейся по сей день эры науки, пронизанной верой в «универсальную целительную силу» знания [14, S. 100]. От внимания Ницше ускользает то обстоятельство, что такая вера во всеислие знания основывается на «покорении природы в терминах и формулах», но терпит поражение при попытках постичь смысл жизни и ее законы, так как стремление к познанию направлено на познание как таковое и осуществляется исключительно ради познания [18, S. 264].

Однако научное суеверие в понимании Ясперса является более емким понятием, чем просто «трагическое» осознание того, что страстное стремление науки к знанию тщетно, а в сфере решения практических задач, связанных с постижением смысла жизни в его развитии, чистое знание вообще не имеет четких ориентиров. Ясперс не оставляет сомнений в том, что наука не может ни заменить веру, ни занять место мировоззрения: «Мысль о возможности посредством познания получить знание о том, что есть вера, уже является верой» [8, S. 135]. Данные соображения, будучи довольно вескими аргументами для перехода от научного суеверия к пренебрежению наукой, все же не отражают в полном мере мотивов Ясперсовой критики надежды избавиться от глобальных проблем силой науки.

И если в «Духовной ситуации времени» еще присутствует ницшевский тезис о том, что наука не желает ставить под вопрос степень значимости результатов своих исследований и не пытается соотнести необъятность объектов знания с их значимостью для познания [5, S. 120], то в более поздних работах Ясперс усматривает в противоречии между стремительно растущим знанием и инфляцией его ценности странное искажение. Он разделяет Ницшево убеждение в том, что научное познание не ставит жизненных целей. Более того, он идет дальше, указывая на бытующее в рамках научного суеверия представление о том, что научные выводы подобны проекции, в соответствии с которой «воспроизводимое целое - всеобщность истины, и сущего, и счастья, как будто все может быть познано таким образом, как если бы далее ничего не было» [12, S. 10]. Не практическая необъятность знания привлекает внимание Ясперса, но ориентированность практических действий на ожидания, подпитываемые научными выводами. Констатируемую Ницше утрату науки компенсирует тем, что сама способствует возникновению потребностей в применении тех или иных своих данных, при том, что изначально последствия такого применения непредсказуемы.

Говоря о научном суеверии, Ясперс фактически говорит о многослойном феномене, от детального рассмотрения которого я на данном этапе воздержусь, предпочтя ему Ясперсовы рассуждения о возможности подвергнуть сомнению почти религиозную веру во всеислие науки. В особенности меня интересует вопрос о том, в какой степени философия должна обладать способностью на свой лад преодолевать научное суеверие. В «Духовной ситуации времени» этот вопрос связан прежде всего с идеей образования. Ясперс указывает на своих предшественников, ранее рассматривавших взаимосвязь науки и образования.

II. Университет без образования?

Отцы-основатели современной системы университетского образования в Германии были убеждены в том, что философия в университете должна выполнять интегрирующую функцию. То, что исследуют и чему учат отдельные науки, студенты должны, постигая философию, научиться воспринимать во взаимосвязи, как единое целое. «Совокупная умственная деятельность», резюмируемая в решении конкретных предметных задач, должна быть сферой компетенции философии [2, S. 122]. Поставленная задача, однако, не полностью объясняет те особые ожидания, которые связываются с философией. То, чему в конечном итоге должна способствовать философия, можно уяснить лишь в том случае, если мы обратимся к ключевым положениям Гумбольдта и Фихте: высшей целью изучения отдельных научных дисциплин является не наука как таковая, а формирование (образование) личности. Конечной целью высшего образования является не только умение ориентироваться во всевозможных теориях в бесконечном процессе научного познания, но и мастерство при решении реальных жизненных проблем. Чтобы достичь этого, необходимо прежде всего изучить чистую науку. Так, обосновывая тождество философии и высшего научного образования, Фихте в 1807 году утверждает, что истинная задача высшего образования - имманентный прогресс науки, а не конкретные практические требования жизни. В отличие от Руссо, Гумбольдт и Фихте не останавливаются на констатации глубокой пропасти между научным познанием и практическим субъективным знанием. Представление об обязательной взаимообусловленности разнообразных форм знания является, по их мнению, односторонним, более того: это означало бы также отказ от необходимости разграничения научного познания и знания, полученного практическим путем.

Однако как Фихте может утверждать, что конечной целью академического образования является ни в коей мере не знание как таковое, но

искусство применения этого знания [2, S. 100], если он рассматривает науку и ее практическое применение как две отдельные области, из которых лишь первая подлежит изучению в университете? Разрешением этого противоречия является убежденность в том, что изучение чистой, то есть свободной от всяческих целей, науки есть необходимое условие ее искусного практического применения. Образование же с изначально определенной целью, лежащей вне науки как таковой, препятствует тому, чему наука должна способствовать, а именно: формированию индивида, который мог бы в самостоятельном исследовании и в практической жизни модифицировать приобретенную научную информацию и прийти к новому знанию, ранжированному в соответствии с тем, что на данном этапе является действительно значимым, а стало быть, переосмысленному и заново сформированному. Этот процесс трансформации лишен автоматизма. Как мы уже могли убедиться, искусству научного постижения учит философия, но не наука как таковая [2, S. 102].

Для Ницше данное требование является историческим, но никак не современным фактором: в его докладах «О будущем образовательных учреждений» (1872) мы читаем, что университет давно уже не является тем, чем стремился быть, а именно - образовательным учреждением [19, S. 744]. Ницше ясно осознает, что характер знаний современных ему наук не обуславливает содержание образования. Вместе с тем, скрупулезный анализ позволяет Ницше верить в возможность решения данной проблемы: он предлагает закрепить научное образование как таковое за научной дисциплиной, менее других подверженной современной функционализации и технологизации, - то есть за философией. Что же до вопроса о том, как философия справиться с подобной задачей, то на него Ницше, по-видимому, затрудняется ответить.

В заключение своей вступительной лекции «Гомер и классическая филология» в Базеле 28 мая 1869 года Ницше предлагает слушателям очертить деятельность ученого на основании философского мировоззрения. А так как наука не в состоянии свести свои выводы к единой форме, пусть это будет задачей философии - объединять разнородное знание в рамках единого целого [16, S. 268]. На полях рукописи Ницше рассуждает и о другой возможности, которая однажды уже была реализована доплатоновскими философами. Речь идет о подчинении исконной тяги к познанию воле к самореализации (самоформированию). Общеизвестно, что Ницше, однако, считал и этот путь недостаточно хорошим, в работе «По ту сторону добра и зла» он размышляет и о других возможностях, говоря о том, что философия должна создавать ценности.

Ясперс вынужден был признать, что надежды Ницше на философию оказались неосуществимыми, поскольку в области философии происхо-

дят перемены, сходные с переменами в области частных наук. Даже если философия менее подвержена такой дифференциации и специализации отдельных областей, как другие науки, она не долго сможет оставаться в стороне от этого. Когда в 1945 году Ясперс вернулся на свою кафедру, он заявил о необходимости обновления (пересмотра) системы университетского образования; он призывал к проведению коренной реформы университетов, необходимой для их сохранения. Год спустя выходит новое издание его книги «Идея университета», впервые опубликованной в 1923. Авторское предисловие отражает колебания между разочарованием и надеждой: «Либо удастся возродить немецкие университеты [...], приняв решение о создании новой структурной модели, либо на смену почившему университету придет небывалый функционализм средних и высших учебных заведений для специалистов в области науки и техники» [6, S. 36]. Эта книга была написана как резонанс на искусственно созданные рамки предельной специализации учебы и научной деятельности, грозящие окончательно разрушить единство, существующее между наукой и системой образования. И если Ницше полагает, что достижение очерченного Гумбольдтом и Фихте единства процессов обучения с самим образом жизни возможно лишь в далеком будущем, то в представлении Ясперса эта взаимосвязь вообще может быть безвозвратно утеряна.

Ясперс обращает внимание на обратную тенденцию при изучении наук - когда обучение строится в соответствии с сиюминутными требованиями экономики и управления, вместо того, чтобы следовать идеалам образования. Ясперс констатирует перемены в университетском образовании, но не его обновление. С развитием процесса узкой специализации дисциплин, институционализации научных исследований, упрощения академического образования, в университетах происходили радикальные изменения сродни постепенной утрате наукой ее образовательных и просветительских функций. Последствия этих перемен Ясперс принимает во внимание по мере отхода от своих более ранних представлений об образовании как образе жизни, которому в высшей степени способствует университет, обеспечивающий единство знания в сфере исследований и образования [5, S. 101]. По признанию Ясперса, неуклонное усиление динамичности науки более несовместимо с ориентированностью на конкретного индивида, о которой говорил Гумбольдт. Пути науки и образования расходятся. Критическое преломление в работах Ясперса идей Фихте об исключительной функции философии и мыслей Гумбольдта об образовании выражается в том, что Ясперс категорически отвергает способность философии трансформировать накопленные знания отдельных наук для реализации не скованного педагогическими догмами интеллектуального роста

личности. Что из этого следует? Торжество научного суеверия? В состоянии ли философия оградить науку от растворения в том, что не представляет научного интереса, после того как науки, вследствие специализации и разделения труда, раскололись на отдельные узкие дисциплины?

Хотя, принимая во внимание научную специализацию и разделение труда, Ясперс считает неосуществимыми как программу образования, основанную на философии, так и практическое единство конкретных наук и философии, к которому стремился университет в интеграции исследовательской и обучающей деятельности [8, S. 194], он не отказывается от того мнения, что философия есть сила, противодействующая науке. Философия равно не способна ни поместить в перспективу созданных ею ценностей весь тот универсум объектов, закономерную взаимосвязь между которыми стремится исследовать наука, ни создать ценностную перспективу, в рамках которой науки смогли бы развиваться на уровне конституирования их объектов познания.

Ясперс в своих размышлениях, как мне кажется, намного более трезв и реалистичен по сравнению с Ницше, когда определяет философию по отношению к науке как голос, напоминающий об исконной жажде знания, позволяющей науке сохранять ее научность [4, S. 127]. Поскольку связь между современными науками сводится к критическому мышлению, требованиям логического либо эмпирического подтверждения обнаруженных фактов и наличию бесконечного числа вопросов, данная ситуация, в видении Ясперса, может открыть перед философией исключительные возможности. Ясперс не отвергает идею исключительного места философии среди других наук, хотя не упускает из виду влияние процесса специализации и на философию, однако ему представляется, что образование задает философии слишком высокие требования.

У Ясперса речь идет о «конкретной» философии внутри наук, которые становятся философичными в своем стремлении к ясной картине уже познанного и к предметному обоснованию результатов проведенных исследований. На формирование философии *внутри* и посредством отдельных наук делал упор уже в 1900 году неокантианец Алоис Риель; он, не без эйфории, усматривал свою задачу в том, чтобы обратить внимание современников на переход естественных наук к философии [20, S. 248]. В реальность воплощения этой великой надежды верил не только Ясперс, но и Хельмут Шельский в своих размышлениях об «Идее и устройстве немецкого университета и его реформе». Согласно Ясперсу, лишь философия, исследующая границы и условия применимости конкретных наук, в силах оградить их от «растворения в том, что не представляет научного интереса» [8, S. 195], так как она оставляет открытыми сужаемые наукой связи с окружающим миром, или, в формулировке

Ясперса, рассматривает научное познание «во взаимосвязи со всем, что может быть познано». От этого «растворения в том, что не представляет научного интереса», философия оберегает науку не только в силу своей способности воспринимать опыт других наук и своего стремления «придать новое звучание» познанному⁵. Когда философия напоминает о том, что в объективированных результатах научной деятельности - книгах, приборах, коллекциях - жажда знания застывает и что «действительное знание абсолютно неотделимо от процесса познания и утрачивается в каждой сложившейся, вневременной форме» [9, S. 18], она всякий раз заново пробуждает готовность к истинному опыту, открывает вещи, еще не нашедшие своего места в контексте научных толкований, но доступные фантазии ученого, стремящегося к новаторской деятельности. Это ли не позиция, обладающая в контексте актуальных дискуссий потенциалом, способным дать толчок дальнейшим размышлениям?

III. Заключительные замечания

В поздних работах Ясперса вопрос о «представляющем научный интерес» отступает в тень проблемы более широкой, чем проблема научного суеверия. Речь идет о переходе науки от неутолимого стремления познавать к завышенным притязаниям, для реализации которых она ставит себя на место религии либо мировоззрения. Попытаться утверждать, что критические аргументы Ясперса относительно научного суеверия на сегодняшний день являются беспочвенными, - наивно, ввиду того, что человек в своем развитии под давлением обстоятельств вновь начинает признавать нормативную силу мнимого. Научным суеверием, согласно Ясперсу, является и то, что от науки ожидают «создания» человека - это то, чего наука пока не в состоянии дать, «но существует вера, что она это сможет» [7, S. 19]. Фундаментальность Ясперсова анализа не стала преградой возрождению чрезмерной веры в авторитет науки. Современное упование на новые выводы генетики, якобы способные, наконец-то, внести ясность во все до сих пор оставшиеся без ответа «мировые тайны», основано на спорном утверждении о том, что использование генной инженерии позволит человеку рационально контролировать свою биологическую природу и управлять ею, не учитывая, однако, того, что те же генные технологии могут служить как добру, так и злу. Мечта о контроле над всеми контингенциями человеческого бытия представляется настолько прекрасной, что она способна затмить все неудавшиеся «великие» эксперименты минувшего столетия. Настойчиво предостерегая от возведения науки в ранг мировоззрения, Ясперс, должно быть, предвидел всю силу искушения реализовать эту мечту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана по материалам доклада, с которым автор выступил на Международной научной конференции «О природе смеха» (Одесса, март 2003). Текст переведен с нем. О.В. Ворожцовой.

² Аристотель, *Метафизика*, 982 b 20 f.

³ То же утверждал и неокантианец Пауль Наторп в одной из своих последних работ: см. [13, S. 39].

⁴ Это может быть проиллюстрировано на примере открытия рентгеновских лучей или становления ядерной физики. См. также: [3, S. 124].

⁵ [8, S. 195]. - Данная формулировка напоминает слова Ницше, который вслед за досократиками призывает «вобрать в себя все совокупное звучание мира и, пропустив через себя, выразить вновь» [15, S. 817].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Abel G.** *Wissenschaft und Kunst* // Mihailo Djuric und Josef Simon (Hg.), *Kunst und Wissenschaft bei Nietzsche*. - Würzburg, 1986, S. 9-25.
2. **Fichte J.G.** *Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höheren Lehranstalt* // Fichtes Werke VIII, hrsg. v. Immanuel Hermann Fichte. - Berlin, 1971, S. 97-204.
3. **Freyer H.** *Über das Dominantwerden technischer Kategorien in der Lebenswelt der industriellen Gesellschaft // Herrschaft, Planung und Technik. Aufsätze zur politischen Soziologie*, hrsg. von Elfriede Uner. - Weinheim, 1987, S. 117-130.
4. **Jaspers K.** *Der philosophische Glaube*. - München, 1954.
5. **Jaspers K.** *Die geistige Situation der Zeit*. - Berlin, Leipzig, 1933.
6. **Jaspers K.** *Die Idee der Universität*. - Heidelberg, 1961.
7. **Jaspers K.** *Kleine Schule des philosophischen Denkens*. - München, 1967.
8. **Jaspers K.** *Philosophie und Wissenschaft // Jaspers K. Was ist Philosophie?* - München, 1986, S. 183-196.
9. **Jaspers K.** *Philosophische Logik. 1. Bd.: Von der Wahrheit* (1947). - München, Zürich, 1983.
10. **Jaspers K.** *Vom europäischen Geist*. - München, 1947.
11. **Jaspers K.** *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. - München, 1988.
12. **Jaspers K.** *Wahrheit und Wissenschaft*. - Basel, 1960.
13. **Natorp P.** *Philosophische Systematik*. - Hamburg 2000.
14. **Nietzsche F.** *Die Geburt der Tragödie // Kritische Studienausgabe (=KSA)*, hrsg. v. G. Colli und M. Montinari, Bd. 1.
15. **Nietzsche F.** *Die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen // KSA 1*.
16. **Nietzsche F.** *Homer und die klassische Philologie*. Antrittsrede an der Universität Basel, gehalten am 28. Mai 1869 // *Philologische Schriften (1867-1873)*, *Kritische Gesamtausgabe*, Bd. II.1, hrsg. von G. Colli und M. Montinari. - Berlin, New York 1982.
17. **Nietzsche F.** *Menschliches, Allzumenschliches // KSA 2*.
18. **Nietzsche F.** *Morgenröte // KSA 3*.
19. **Nietzsche F.** *Über die Zukunft unserer Bildungsanstalten VII // KSA 1*.
20. **Riehl A.** *Zur Einöhrung in die Philosophie der Gegenwart*. - Leipzig 1903.
21. **Rousseau J.-J.** *Abhandlung über den Ursprung und die Grundlagen der Ungleichheit unter den Menschen*. - Leipzig, 1970.
22. **Rousseau J.-J.** *Emil oder über die Erziehung*. - Leipzig, 1910.